

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЯПОНИИ: ОБЩИЕ КОНТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА

Карелова Любовь Борисовна,

кандидат философских наук,

старший научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0001-8207-801X

lbkarelova@mail.ru

Аннотация

Способность к познавательной деятельности и мыслительным операциям, таким как абстрагирование, сравнение, силлогизмы, конечно же, является общей для всех народов. Тем не менее при обращении к тому или иному конкретному культурному материалу возникает проблема существования отдельных эпистемических культур. Современные исследования, посвященные эпистемологическому разнообразию, опираются преимущественно на методы аналитической эпистемологии и сосредоточиваются на выявлении примеров «кросс-лингвистического расхождения» на семантическом уровне. В качестве объекта исследования часто выступают понятия «знать» и «знание». Однако есть достаточные основания для выделения и исследования эпистемических культур также и по другим параметрам. В настоящей статье предпринята попытка выделить ряд таких параметров, обращаясь к примерам истории японской духовной традиции, связанным с буддийскими и конфуцианскими учениями. В частности, рассматриваются буддийские доктрины двух истин и тождества абсолютного бытия и феноменального мира, а также неоконфуцианский принцип единства знания и действия с точки зрения их влияния на эпистемологические установки японской культуры. Предпринятый экскурс позволяет на примере Японии показать, что в каждой культуре существует свой набор допущений, положенный в основу когнитивной стратегии, определенные предпочтения, большее или меньшее доверие по отношению к той или иной форме получения знания – чувственно-эмпирической, рациональной, интуитивной, а также представления о целях познания, по-разному осознаваемых в разных культурно-исторических контекстах.

Ключевые слова: Япония, эпистемологическая культура, опыт, субъект, эмпиризм, буддизм, конфуцианство, доктрина двух истин, принцип тождества абсолютного и феноменального, единство знания и действия.

Библиографическое описание для цитирования:

Карелова Л.Б. Эпистемическая культура Японии: общие контуры в зеркале историко-философского подхода // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 1. – С. 129–138. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-129-138.

В последнее время проблемы эпистемологического плюрализма привлекают всё большее внимание исследователей во всем мире (см.: [9, 10, 14]). В качестве принципиально важной для выработки отношения к проблеме единства или множественности эпистемологий сегодня в профессиональной эпистемологии выделяется тема роли обыденных понятий национальных культур [7].

Своего рода манифест этой области знания был сформулирован во введении к коллективной монографии под редакцией Стефана Стича, Масахару Мидзумото и Эрика Маккриди «Эпистемология для остального мира»: «Наиболее важное утверждение нашего Манифеста состоит в том, что эпистемологи (и лингвисты, психологи и философы-экспериментаторы) должны уделять гораздо больше внимания эпистемическому языку и эпистемологическим концепциям, которые преобладают в культурах по всему миру. Кросслингвистический и кросскультурный анализ эпистемологических терминов, предложений и понятий играет решающую роль в философской эпистемологии» [15, р. xii]. Целью данного труда стало показать, что смысл понятий «знание» и «знать» в английском языке далеко не всегда является универсальным для эпистемологии, а существуют и другие версии знания, обусловленные особенностями национальных языков и культур. Если вместо формализованного языка, оперирующего англоязычными терминами, ввести принятые в других языках понятия знания, истины и т. д., то можно получить более разнообразную палитру эпистемологических подходов.

Эта проблематика получила развитие в новом труде по этноэпистемологии, выпущенном издательством *Routledge*, и ставящим проблему «кросскультурного» или «кросслингвистического» эпистемологического «расхождения». Одной из рассматриваемых тем стала проблема вариативности понятий «знать» и «знание» в разных языках и культурах, в том числе на основе японского примера в статье японских ученых Мацумото, Цугиты и Идзуми [11, р. 43–76].

Признавая исключительную важность этого проекта, нельзя не заметить, что его участники в подавляющем большинстве придерживаются методов аналитической эпистемологии, что, с одной стороны, придает анализу определенную строгость, но, с другой стороны, значительно сужает поле исследования, ограничивая его одним параметром. Так, в статьях Масахару Мацумото на основе опросов групп людей с выборкой по 100 чело-

век, соответственно англоязычных и японоязычных, наглядно показаны семантические отличия японских глаголов «знать» – *ситтэ ифу* и *вакаттэ ифу* – от английского глагола *to know how*. А именно: глагол *to know how* имеет для носителей языка смысл не только «знать как», но и «быть в состоянии делать что-то», а для носителей японского языка соответствующие глаголы *ситтэ ифу* и *вакаттэ ифу* предполагают знание, как следует делать что-то, т. е. имеют деонтический оттенок [11, р. 43–76]. Однако подобное исследование, во-первых, с точки зрения социологии не может являться репрезентативным, так как не обеспечено достаточное число и состав опрошиваемых, и, во-вторых, не дает какого-либо общего представления относительно эпистемологической специфики в той или иной культуре. Единственный результат такого исследования состоит в убедительном опровержении тезиса об универсальности понятия «знать».

В связи с этим встает вопрос о расширении как кросслингвистическом подходе к эпистемологии – за счет включения элементов структурно-лингвистического анализа и культурно-исторической интерпретации, так и о необходимости дополнения его другими подходами, и прежде всего введением историко-философского ракурса. Весьма важно иметь в виду, что не только семантические особенности, но и синтаксические структуры языка задают некую эпистемологическую рамку, определяющую позицию познающего. В этом плане представляется достаточно продуктивным анализ языка с точки зрения положения субъекта и предиката в предложении.

В старых учебниках японской грамматики существительное или местоимение, выделенное частицами *ва* или *га*, рассматривались не как подлежащее, а как локализация действия, и лишь позднее по аналогии с индоевропейскими языками в японском языке появилось понятие подлежащего [4]. Это позволяет вычленить характерные формы мышления, закрепленные в языке, следствием которых можно считать некоторые аксиоматические установки культуры. Если обратиться к конструкции предложения в японском языке, то можно сказать, что оно управляется различными формами глагола, а существительное, которое могло бы обозначать субъект действия, выделяемый в предложении частицей *ва*, часто просто опускается или подразумевается. Создается впечатление, что этот квазисубъект обозначает скорее место, или локус, в котором разворачивается действие, и это место имеет переменный характер. Такая грамматическая особенность языка задает специфический угол зрения – процессиальное видение реальности. Текучесть и изменчивость мира предстают как сама собой понимающаяся данность. С другой стороны, этот квазисубъект выступает как часть, фрагмент этого процесса. При этом предложения от первого лица нередко оформляются континуальной глагольной формой, а также формой в страдательном залоге.

Таким образом, получается, что (когда речь идет о познавательной и о любой другой деятельности) мы изначально имеем дело не с целенаправленной познавательной деятельностью субъекта, а скорее с актом познания, в котором задействован данный субъект или который поддерживается субъектом. Из этого вытекает рассмотрение познания как единства познающего и познаваемого, при котором познающий действует как бы внутри познаваемой реальности, а не отстранен от нее. Если обратиться к примерам, рассматриваемым профессором Масахару Мацумото, то необходимо обратить внимание на то, что этот момент полностью остается за скобками, а английский глагол «знать» и японские глаголы *ситтэ ифу* и *вакаттэ ифу* (дословно «пребывать в состоянии знания или понимания»), имеющие континуальную форму, рассматриваются как однопорядковые и имеющие только небольшие семантические различия.

Вместе с тем понятие субъекта, вошедшее в обиход в японских юридических и философских текстах в начале XX века, изначально в японском языке отсутствовало. Оно имело две разновидности: субъект права и экзистенциальный субъект начали обозначаться словом *сютай* (в древнекитайских книгах означавшим императора), включающим смысловой компонент *тай* («тело»), и эпистемологический субъект *сюкан*, включающий компонент «взгляд» и имеющий коннотации надындивидуального чистого сознания [16, р. 178]. Именно второй вариант в философских текстах используется как компонент категориальной пары субъект–объект. Хотя эти понятия использовались для перевода понятия «субъект» у западных мыслителей, японские философы придавали понятию «субъект» собственный смысл, что опереждало и их эпистемологические установки. К примеру, Китаро Нисида рассматривает субъект не как постоянный центр познавательной и деятельностной активности, обладающий определенными качествами, а как непрерывно создающийся и трансформирующийся в потоке опыта локус сознательной деятельности, который образует основу его единства [2, с. 203].

Сравнивая эпистемологическую терминологию в различных культурах, необходимо иметь в виду также и историко-культурный и историко-лингвистический аспекты. Несмотря на то что то или иное понятие прочно вошло в обиход современной эпистемологии, оно не может не иметь свою историю, связанную с национальными культурами, даже если речь идет о его переводе с другого языка. В этом отношении по сравнению с фонографическими языками логографические языки обладают большими возможностями как расширения набора смыслов, поскольку они допускают множество контекстов, так и консервации ранее существовавших смыслов. В силу этого философский текст, переведенный на логографический язык, несет в себе для читателя гораздо больше

коннотаций, поэтому часто в переводе та или иная идея может получить новое направление развития.

Определяющее значение для формирования мировоззрения японцев, равно как и их эпистемической культуры, принадлежало буддизму и конфуцианству. В связи с этим можно выделить целый ряд факторов, определяющих японскую эпистемическую парадигму, которые связаны с этими двумя религиозно-философскими направлениями. Речь идет о принципиально важных для японской традиции когнитивных установках, которые находят свое отражение и в современных реалиях.

Одним из таких факторов в японской культуре стала буддийская концепция «двух истин» (санскр. *сатъя-двая*, кит. *эр ди*, яп. *ни тэй*) – абсолютной и безусловной, постигаемой в опыте просветления, и относительной, конвенциональной, представляющих два уровня познания. Соответственно, рациональный способ достижения знания, ведущий к открытию условных промежуточных истин, считался в этой системе координат менее эффективным и достоверным по сравнению с религиозным опытом непосредственного интуитивного постижения сути вещей. Однако у этой концепции была и другая сторона, выразившаяся в допущении существования множества условных, предварительных истин, имеющих значение лишь в конкретном контексте и ограниченную сферу применения. Это обстоятельство, на наш взгляд, способствовало более легкой адаптации японцами инокультурных знаний, порой исходящих из совершенно чуждых японцам мировоззренческих оснований.

С другой стороны, четко выраженный эмпиризм японской эпистемологической традиции, придававшей во все времена первостепенную значимость непосредственному опыту, восходит к другой, уже махаянистской, буддийской доктрине тождества абсолютного бытия и феноменального мира, которая была развита в Японии в виде доктрин становления буддой в данном теле (*сокусин дзёбуцу*) и обладания травами и деревьями природой будды (*самоку дзёбуцу*). Репрезентативными примерами являются учения выдающихся буддийских философов Сайтё, Кукая и Догэна, которые были ориентированы на постижение истины непосредственно в мире самих вещей, а не за его пределами. И основой такого постижения для них был духовно-телесный опыт [12, р. 350–372; 13, р. 192]. Так, у Догэна можно встретить такие утверждения: «Сегодняшняя реальная жизнь есть именно природа Дхармы, а природа Дхармы есть сегодняшняя реальная жизнь» [1, с. 370].

Поэтому «подход, в соответствии с которым истинная реальность именно такова, какой мы ее воспринимаем в конечных вещах в обыденной жизни, не побуждал к поиску чего-то скрытого за феноменами, к абстрагированию и теоретизированию [3, с. 253], а мотивировал к исследованию самого опыта и его структур.

Показательны популярность и влияние в Японии начала XX века идей Уильяма Джеймса, вдохновивших Китаро Нисиду на создание концепции «чистого опыта». Хотя слово *кэйкэн* («опыт») приобрело философское значение в японском дискурсе только в XIX веке, одноименный концепт стал центральным в японской философской рефлексии.

Прагматический и деятельностный подход к знанию, воспринимающий знание не как абстрактное знание ради знания, а как действенное знание, имеет во многом конфуцианские корни. Идея соединения знания и действия была изначально характерна для конфуцианства и нашла свое выражение уже в таких классических книгах, как «Лунь юй», «Чжун юн» и «Мэнцзы». Теория «единства знания и действия» была характерна и для большинства неоконфуцианских учений, которые были широко распространены в Японии в эпоху Токугава (1603–1868). При этом под знанием в конфуцианстве подразумевалось, прежде всего, понимание «воли Неба», соответствующей настоящему моменту, а также знание о том, как правильно и гармонично построить отношения между людьми. *Дзигугаку* (практическое учение), целью и объектом которого стало получение полезного, практического, «реального», т. е. социально значимого знания, противопоставлялось «пустому» знанию буддийских школ [6, с. 474], стало доминирующей формой неоконфуцианства в Японии. Японское неоконфуцианство (в частности, пользовавшаяся широким влиянием школа последователей Ван Янмина «Оёмэй») способствовало распространению и укоренению установки на необходимость постоянного тестирования знания в реальной жизни применительно к конкретному месту, времени и статусу, выраженной в терминах *дзиссэн* и *нитиё* (потребности повседневной жизни) [5, р. 22]. Этот тренд в японском конфуцианстве усилился в XIX веке и во многом повлиял на формирование исторически специфического понимания науки в Японии. Поэтому нельзя полностью согласиться с утверждением японского исследователя Кэна Кавасаки о том, что в Японии наука и естественно-научное образование были свободными от эпистемологической рефлексии, потому что Страна восходящего солнца рассматривала науку только как эффективную технологию модернизации, не принимая во внимание мировоззренческий аспект науки. Однако другой его вывод о том, что «естественно-научное образование в Японии ставило преимущественно вопрос “как делать”, и ответы на этот вопрос оценивались в зависимости от эффективности, достигнутой при модернизации», представляется совершенно справедливым [8, р. 2].

Некоторые выводы

Несмотря на то что эпистемологические установки, заданные буддийскими и конфуцианскими доктринами, уходят своими корнями в глубину веков, они и сегодня накладывают определенный отпечаток на восприя-

тие знания и познания в Японии. Они влияют на такие его особенности, как практическая ориентация знания, контекстуальный подход к пониманию истины, придание решающего значения опыту как форме когнитивной деятельности, сосредоточенность на конкретном. Эти особенности, несомненно, способствовали успешной адаптации инокультурных знаний и совершенствованию заимствованных технологий, ставших основой экономического роста Японии в XX веке.

Исследования эпистемических культур сегодня являются, несомненно, перспективным направлением, которое не только помогает решить существенную проблему перевода и понимания, постоянно возникающую в процессе научной межкультурной коммуникации. Они выводят на новый уровень, позволяющий преодолеть рамки унификации на основе единого метаязыка и более полно задействовать когнитивный опыт, заложенный в национальных традициях для формирования комплексного подхода к проблемам познания, расширяя возможности сравнения, моделирования и прогнозирования.

Литература

1. *Догэн*. Сёбогэндзо. Т. 2. – Токио: Синдзин сёбо, 1972. – 408 с. – Пер. загл.: Сокровищница ока истинной Дхармы.
2. *Карелова Л.Б.* Проблема субъективности в философии Нисиды Китаро: феноменологический аспект // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 197–205.
3. *Карелова Л.Б.* Некоторые особенности развития науки и техники в Японии XVII–XIX вв. в контексте национальной духовной традиции // Философия и наука в культурах Востока и Запада. – М.: Наука – Восточная литература, 2013. – С. 246–255. – (Сравнительная философия; вып. 4).
4. *Миками А.* Нихонго-но ронри: ха то га. – Токио: Куроисио сёппан, 1963. – 274 с. – Пер. загл.: Японская логика: частицы *ва* и *га*.
5. *Bary Wm.Th. de.* Introduction // Principle and Practicality: Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning / Wm.Th. de Bary, I. Bloom, eds. – New York: Columbia University Press, 1979. – P. 1–35.
6. *Dilworth D.A.* “Jitsugaku” as Ontological Conception // Principle and Practicality: Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning / Wm.Th. de Bary, I. Bloom, eds. – New York: Columbia University Press, 1979. – P. 471–511.
7. *Gerken M.* On Folk Epistemology: How We Think and Talk about Knowledge. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 348 p.
8. *Kawasaki K.* The Concepts of Science in Japanese and Western Education // Science and Education. – 1996. – Vol. 5, N 1. – P. 1–20.
9. *Lloyd G.E.R.* Cognitive Variations: Reflections on the Unity and Diversity of the Human Mind. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 201 p.
10. *Lloyd G.E.R.* Analogical Investigations: Historical and Cross-cultural Perspectives on Human Reasoning. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 144 p.

11. Ethno-epistemology: New Directions for Global Epistemology / M. Matsumoto, J. Ganeri, C. Goddard, (eds). – New York: Routledge, 2020. – 288 p.
12. *Nakamura H.* The Ways of Thinking of Eastern Peoples: India, China, Tibet, Japan. – Honolulu: East-West Center Press, 1964. – 713 p.
13. *Shaner S.* Bodymind Experience in Japanese Buddhism: A Phenomenological Perspective of Kukai and Dogen. – Albany, NY: State University of New York Press, 1985. – 250 p.
14. *Sirker S., Usui N., Hashimoto T.* Gettier Across Cultures // *Noûs*. – 2017. – N 51 (3). – P. 645–664.
15. Epistemology for the Rest of the World / ed. by S. Steach, M. Matsumoto, E. McCready. – New York: Oxford University Press, 2018. – 320 p.
16. *Suzuki I.* Translator's Note // *Time and Eternity* / by S. Hatano. – Tokyo: Printing Bureau, Japanese Government, 1963. – P. 175–181.

Статья поступила в редакцию 07.07.2021.

Статья прошла рецензирование 15.09.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-129-138

EPISTEMIC CULTURE OF JAPAN: GENERAL OUTLINES IN THE MIRROR OF THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH

Karel'ova Liubov,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Senior Researcher, Institute of Philosophy, RAS,

12/1 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8207-801X

lbkarel'ova@mail.ru

Abstract

Ability of knowledge and thinking operations, such as abstraction, comparison, syllogisms and so on, are of course common to all peoples. Nevertheless, when referring to this or that specific cultural material, the problem of the existence of separate epistemic cultures arises. Contemporary research on epistemological diversity relies primarily on methods of analytic epistemology and focuses on identifying examples of 'cross-linguistic divergence' at the semantic level. The concepts of 'know' and 'knowledge' often become the object of research. However, there are sufficient grounds for identifying and studying epistemic cultures also in terms of other parameters. This article is focused upon highlighting these parameters by referring to examples of the history of the Japanese spiritual tradition associated with Buddhist and Confucian teachings. In particular, the author examines the Buddhist doctrines of two truths and the identity of absolute being and the phenomenal world, as well as the neo-Confucian principle of the unity of knowledge and action from the point of view of their influence on the epistemological attitudes of Japanese culture. The undertaken analytic excursion allows, using the example of Japan, to show that each culture has its own set of assumptions underlying the cognitive strategy, certain preferences, more or less trust in relation to one or another form of acquiring knowledge, e.g., sensory-empirical, rational, intuitive forms, as well as ideas about the goals of cognition, differently perceived in diverse cultural and historical contexts.

Keywords: Japan, epistemological culture, experience, subject, empiricism, Buddhism, Confucianism, the doctrine of two truths, the principle of the identity of the absolute and the phenomenal, the unity of knowledge and action.

Bibliographic description for citation:

Karel'ova L. Epistemic Culture of Japan: General Outlines in the Mirror of the Historical and Philosophical Approach. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 129–138. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-129-138.

References

1. Dogen. *Shobogenzo* [Treasury of the True Dharma Eye. Vol. 2]. Tokyo, Shinjin shobo, 1972. 408 p. (In Japanese).
2. Karelova L.B. Problema sub"ektivnosti v filosofii Nisidy Kitaro: fenomenologicheskii aspekt [Problem of Subjectivity in Philosophy of Nishida Kitarō: Phenomenological Aspect]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2018, no. 2, pp. 197–205. (In Russian).
3. Karelova L.B. Nekotorye osobennosti razvitiya nauki i tekhniki v Yaponii XVII–XIX vv. v kontekste natsional'noi dukhovnoi traditsii [Some Features of the Development of Science and Technology in the 17th – 19th Century Japan in the Context of National Spiritual Tradition]. *Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada* [Comparative Philosophy: Philosophy and Science in Cultures of East and West]. Moscow, Nauka – Vostochnaya literature Publ., 2013, pp. 246–255.
4. Mikami A. *Nihon-no ronri: 'ha' to 'ga'* [Japanese Logic: particles *wa* and *ba*]. Tokyo, Kuroshio shuppan, 1963. 274 p. (In Japanese).
5. Bary Wm.Th. de. Introduction. *Principle and Practicality: Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning*. Wm.Th. de Bary, I. Bloom, eds. New York, Columbia University Press, 1979, pp. 1–35.
6. Dilworth D.A. "Jitsugaku" as Ontological Conception. *Principle and Practicality: Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning*. Wm.Th. de Bary, I. Bloom, eds. New York, Columbia University Press, 1979, pp. 471–511.
7. Gerken M. *On Folk Epistemology: How We Think and Talk about Knowledge*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 348 p.
8. Kawasaki K. The Concepts of Science in Japanese and Western Education. *Science and Education*, 1996, vol. 5, no. 1, pp. 1–20.
9. Lloyd G.E.R. *Cognitive Variations: Reflections on the Unity and Diversity of the Human Mind*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 201 p.
10. Lloyd G.E.R. *Analogical Investigations: Historical and Cross-cultural Perspectives on Human Reasoning*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 144 p.
11. Matsumoto M., Ganeri J., Goddard C., eds. *Ethno-epistemology: New Directions for Global Epistemology*. New York, Routledge, 2020. 288 p.
12. Nakamura H. *The Ways of Thinking of Eastern Peoples: India, China, Tibet, Japan*. Honolulu, East-West Center Press, 1964. 713 p.
13. Shaner S. *Bodymind Experience in Japanese Buddhism: A Phenomenological Perspective of Kukai and Dogen*. Albany, NY, State University of New York Press, 1985. 250 p.
14. Sirker S., Usui N., Hashimoto T. Gettier Across Cultures. *Noûs*, 2017, no. 51 (3), pp. 645–664.
15. Steach S., Matsumoto M., McCready E., eds. *Epistemology for the Rest of the World*. – New York, Oxford University Press, 2018. 320 p.
16. Suzuki I. Translator's Note. *Time and Eternity*. By S. Hatano. Tokyo, Printing Bureau, Japanese Government, 1963, pp. 175–181.

The article was received on 07.07.2021.

The article was reviewed on 15.09.2021.